

Список таблиц и вставок

Таблица 3.1. Взлеты и падения Шелкового пути и его предшественников (ок. 1500 г. до н. э. — XIX век)

Таблица 5.1. Периоды расцвета Шелкового пути и его предшественников (основные пункты)

Вставка 2.1. Кочевничество и кочевая экономика

Вставка 2.2. Торговля в условиях общего военного превосходства кочевников в Евразии (ок. 800 г. до н. э. до 1700 г. н. э.)

Вставка 2.3. Великий Шелковый путь. Фокус на первый расцвет в древности (ок. 100 г. до н. э. — 200 г. н. э.)

Вставка 2.4. Модель Шелкового пути: предтеча глобализации?

Вставка 3.1. Огромная империя монголов: движущая сила ранней глобализации?

Вставка 3.2. Евразия на пике дальней торговли по Шелковому пути: основные игроки, товары и путешественники

Вставка 3.3. Изобретения/инновации и культурные практики, распространившиеся по Шелковому пути в эпоху монгольского мира

Вставка 3.4. Расцвет кочевничества и государственности в монгольскую эпоху

Вставка 4.1. Традиционная Центральная Азия: стационарные общества и экономики?

Вставка 4.2. Радикальные технологические перемены и «революция пороха»: евразийское степное кочевничество и империи обороняются от оседлых цивилизаций

Вставка 4.3. Основные товары, экспортируемые по Шелковому пути с XVI по XVIII век (ок. 1500–1750 г.)

Вставка 4.4. Бухарские евреи: инициаторы торговли между Россией и ЦА в XIX веке

Вставка 4.5. Сравнение: освоение Запада в США и Канаде / колонизация евразийских степей Россией / развитие Западных пограничных земель (Синьцзян) в Китае

Вставка 4.6. «Большая игра» XIX века в экономической и геополитической перспективе

Список карт

Карта 1.1. Территория и границы Центральной Азии

Карта 1.2. Центральная Азия — элементы физической географии

Карта 1.3. Центральная Азия — природные ресурсы

Карта 2.1. Андроновская, Оксусская и другие культуры меди и бронзы в Центральной Азии (ок. 3000–1200 гг. до н. э.)

Карта 2.2. Центральная Азия и держава Ахеменидов (Персидская империя) (ок. 520–450 гг. до н. э.)

Карта 2.3. Центральная Азия в 323–150 гг. до н. э. от империи Александра до империи Хунну

Карта 2.4. Первый расцвет Великого Шелкового пути, соединявшего Римскую и Ханьские империи (ок. 100 г. до н. э. — 100 г. н. э.)

Карта 2.5 (фрагмент карты 2.4). Первый расцвет Великого Шелкового пути, соединявшего Римскую и Ханьские империи (ок. 100 г. до н. э. — 100 г. н. э.)

Карта 3.1. Центральная Азия и остатки Великого Шелкового пути в период Великого переселения народов (ок. 350–575 гг.)

Карта 3.2. Второй расцвет Великого Шелкового пути при тюркских степных империях, династии Тан и Халифате (ок. 575–850 гг.)

Карта 3.3 (фрагмент карты 3.2). Второй расцвет Великого Шелкового пути при тюркских степных империях, династии Тан и Халифате (ок. 575–850 гг.)

Карта 3.4. Центральная Азия под влиянием торговых государств Саманидов, Хазар и Уйгуров (ок. 900–950 гг.)

Карта 3.5. Тюркские и другие династии евразийских степей устанавливают контроль над Центральной Азией (ок. 975–1125 гг.)

Карта 3.6. Третий расцвет Шелкового пути и политическая интеграция торговой сети под властью монголов

Карта 3.7 (фрагмент карты 3.6). Третий расцвет Шелкового пути и политическая интеграция торговой сети под властью монголов

Карта 4.1. Центральная Азия во время Великого эмирата Тимура и ранних Тимуридов (ок. 1375–1425 гг.)

Карта 4.2. Центральная Азия во время межрегионального меркантилистского возрождения торговли по Шелковому пути (конец XVI — начало XVII века)

Карта 4.3 (фрагмент карты 4.2). Центральная Азия во время межрегионального меркантилистского возрождения торговли по Шелковому пути (конец XVI — начало XVII века)

Карта 4.4. Центральная Азия во времена последней крупной степной империи — Великой Тартарии (Джунгарский каганат) — в конце XVII — начале XVIII веков

Карта 4.5. Центральная Азия во время «последнего отблеска» Шелкового пути (ок. 1800–1820 гг.)

Карта 4.6. Центральная Азия в конце XIX века. объект российского и китайского колониализма и зависимой интеграции в капиталистическую мировую экономику

Карта 4.7. Дополнительная топографическая информация, представленная в тексте

Карта 5.1. Центральная Азия: границы и столицы на 2015 год

Благодарности

Благодарю двух анонимных рецензентов за многочисленные замечания и предложения, а также Андреаса Каппелера (профессора-эмеритуса Института истории Восточной Европы Венского университета), Пира Вриса (профессора Института экономической и социальной истории Венского университета), Флориана Шварца (директора Института иранских исследований Австрийской академии наук) и Олену Литвин (Украинский государственный университет финансов и международной торговли). Выражаю искреннюю признательность Флориану Партлу — картографу, автору «Атласа стран Дунайского региона» и техническому руководителю «Атласа Восточной и Юго-Восточной Европы» — за техническую экспертизу историко-экономических карт моей книги. Особая благодарность моему работодателю — Австрийскому национальному банку, а также лично Дорис Ритцбергер-Грюнвальд (директору отдела экономического анализа и исследований) и Хелене Шуберт (руководителю отдела зарубежных исследований) за их поддержку. Наконец, без неизменной поддержки моей жены Франсуазы эта книга не была бы написана.

Глава 1

Центральная Азия (ЦА) и Шелковый путь (ШП)

Определения и основные черты

1.1. Мотивация и структура этой работы

Центральная Азия (ЦА) поражает своим разнообразием: здесь мы наблюдаем уникальные природные условия, сложную этническую мозаику и насыщенную экономическую историю. От истоков конного кочевничества, появления Шелкового пути (ШП) и создания величайшей империи древности до современных экспериментов с централизованным планированием, развития региона и его возвращения на мировые рынки через экспортно-ориентированные стратегии — все это неизменно вызывает интерес исследователя.

Анализируя прошлое ЦА до периода европейского колониального завоевания, становится ясно, что экономическая история этого региона была тесно переплетена с торговыми циклами ШП и во многом формировалась под их влиянием. Прохождение Шелкового пути через сердце региона оказывало значительное воздействие на благосостояние ЦА, что побудило автора к систематическому исследованию крупнейшей традиционной сети наземных торговых маршрутов.

В центре внимания данной работы находятся взлеты и падения ШП, однако экономическая судьба региона в досовременную эпоху определялась не только этим фактором. Существенное

влияние оказывали также степное кочевничество, политические и религиозные процессы, развитие мореплавания, а также климатические изменения, которые необходимо учитывать при анализе.

Стремление создать подробное и систематическое исследование экономической истории ЦА и ШП связано с отсутствием подобных публикаций и необходимостью восполнить этот пробел, учитывая экономическую значимость и возрастающую стратегическую роль региона. Для понимания современных процессов и взаимосвязей в этом географическом центре Евразии, окруженном такими ключевыми экономическими игроками, как Китай, Индия, Иран, Турция, Россия и Европейский союз, важно проследить экономическую эволюцию ЦА. Более того, регион неизбежно становится центральным элементом новых инициатив и проектов по формированию современного Шелкового пути, проходящего через крупнейший континент планеты.

В научной литературе накоплен внушительный массив исследований по истории ЦА — в самых разнообразных региональных трактовках — и ШП, хотя последние зачастую ограничены сравнительно короткими временными отрезками. Значительное внимание уделено также другим ключевым явлениям: образу жизни кочевников Евразии, эпохе Монгольской империи, правлению Тамерлана, а также вопросам китайского и российского колониализма. Автор, экономист и историк экономики, предлагает синтетический научный обзор существующей литературы, рассматривая ее сквозь призму экономического анализа. В исследовании охвачен широкий спектр как экономических, так и сопряженных с экономикой неэкономических факторов — климатических, технологических, военных, политических, институциональных, культурных, религиозных, социальных и иных, что обеспечивает обстоятельность и глубину выводов.

Хронологические рамки работы охватывают глубокую древность. Особое место отведено феномену конного кочевничества и его фундаментальному влиянию на историю ЦА и ШП вплоть до XVIII века. Досовременная история региона трактуется как

период до проникновения европейского колониализма (в данном случае — российского) и частичного подчинения ему, что означало собой завершение традиционной деятельности Шелкового пути. Богатство источников и многотысячелетний экономический опыт позволяют автору предложить новые интерпретации причин экономических подъемов и спадов Центральной Азии на протяжении всего существования Шелкового пути, а также их периодизации.

Отличительной особенностью данного исследования являются более 20 авторских историко-экономических карт, которые не только служат наглядным иллюстративным материалом, но и способствуют более глубокому пониманию текста. Эти карты охватывают последовательные исторические эпохи — от III тысячелетия до н. э. до второй половины XIX века — и отображают приблизительное расположение транспортных и торговых путей Шелкового пути внутри и за пределами Центральной Азии в разные периоды. Три дополнительные карты иллюстрируют ключевые географические особенности, концепции регионального деления и распределение ресурсов. Пространственное отображение сети Шелкового пути в прошлом позволяет проводить интересные параллели с современными проектами Нового Шелкового пути, Экономического пояса Шелкового пути (Китай), Трансъевразийских коридоров развития (Россия) и другими инициативами. Вместе с тем сравнение с современностью не входит в задачи данной работы.

Основные вопросы, рассматриваемые в исследовании:

- Влияние торговли и функционирования ШП на экономическое благосостояние ЦА.
- Периоды расцвета и упадка ШП: определяющие факторы.
- Хронологические особенности взлетов и спадов в истории ШП.
- Вклад кочевников в экономику ЦА.
- Как функционировали экономическая и политическая системы кочевников?
- Каковы основные черты взаимодействия между кочевым пасторализмом и оседлым сельским хозяйством и ремеслами в регионе?

- Влияние долговременного военного превосходства конных кочевников на экономические отношения с оседлыми народами и функционирование ШП.
- Экономические основы Монгольской империи и империи Тамерлана.
- Значение доходов от ШП и других источников, включая высокое налогообложение покоренных народов.
- Причины длительного (с XVI века) экономического спада в ЦА и вдоль ШП, а также последующего колониализма.
- Периоды временного экономического подъема региона и способствующие этому факторы.
- Принципиальные различия в колониальной экономической политике Китая и России в Центральной Азии в XVIII–XIX веках.

Структура книги

Глава 1 посвящена общей характеристике ЦА: здесь обсуждаются границы региона, его географические особенности и экономический потенциал, а также формулируются основные параметры ШП. Как уже отмечалось ранее, анализ досовременной Центральной Азии — до европейского колониализма XIX века — требует охвата широкого временного диапазона. В качестве отправной точки исследования, основной задачей которого становится описание и анализ появления конного кочевничества и предпосылок этой цивилизационной трансформации, выбран период вплоть до V тысячелетия до н. э. Такой подход позволяет искать объяснения ключевым событиям, оказавшим долговременное влияние на оседлые цивилизации, древние торговые пути и сохранявшим актуальность вплоть до Нового времени.

Основная часть работы выстроена хронологически и включает три подробные главы, отражающие главные институциональные изменения в экономике ЦА и развитии ШП.

Глава 2 посвящена развитию и первому расцвету ШП в эпоху династии Хань и Римской империи (ок. 5000 г. до н. э. — 350 г. н. э.), включая становление конного кочевничества и военного дела.

Глава 3 охватывает события, приведшие к возвышению кочевников (ок. 360 г. н. э. — 1350 г. н. э.), а также второй и третий расцветы ШП: в эпоху Арабского халифата, династии Тан и Монгольской империи.

Глава 4 рассматривает относительный, а затем абсолютный экономический спад и последующее подчинение цивилизаций Центральной Азии внешним силам (ок. 1350–1885 гг.), когда регион и его экономическая артерия — Шелковый путь — сместились с центра мировой экономики на периферию, а после 1750 года стали объектом колонизации со стороны более могущественных оседлых соседей.

В исследовании используются и вспомогательные материалы: таблица 3.1, посвященная взлетам и падениям Шелкового пути и их причинам, а также 14 тематических вставок по ключевым вопросам (например, характеристикам Шелкового пути, кочевничества и кочевой экономики, «пороховой революции» и ее влиянию на Центральную Азию, сравнительному анализу колониализма на востоке и западе). Эти вставки выходят за рамки основной хронологической структуры и позволяют глубже раскрыть отдельные аспекты темы.

В главе 5 подводятся итоги и формулируются основные выводы исследования.

1.2. Определение и границы Центральной Азии

Идея о Центральной Азии как обособленном регионе мира была впервые выдвинута немецким географом Александром фон Гумбольдтом в середине XIX века. Позднее, к концу XIX столетия, другой выдающийся географ — Фердинанд фон Рихтгофен — определил Центральную Азию как обширную внутриконтинентальную область, лишенную стока в океаны. Эти классические научные концепции легли в основу последующих исследований географии и историко-экономического развития региона [von Richthofen 1877: 96–122]. Этот подход сохраняет актуальность и сегодня, поскольку удаленность от океанов и недостаток воды остаются важнейшими структурными и частично ограничиваю-

щими элементами, которые определяют общественное и экономическое развитие региона. Как видно на карте 1.1, физико-географическая концепция ЦА охватывает территории, окружающие крупнейшее в мире бессточное озеро — Каспийское море, а также обширные низменности, расположенные восточнее, включая Туранскую равнину на юге и Казахский мелкосопочник (Сарыарка) на севере. Эти равнинные пространства далее переходят к востоку и югу в горные хребты, простирающиеся от Иранского нагорья через Гиндукуш, Памир, Каракорум и Тянь-Шань до Алтайских гор. Пересекая Памир, Тянь-Шань и Алтай на востоке, мы оказываемся на обширных территориях, преимущественно возвышенных и характеризующихся внутренним стоком, то есть эндорейскими бассейнами. К таким регионам относятся Таримская впадина, Тибетское плато, Джунгарская равнина и плато пустыни Гоби (Монгольское плато). В связи с этим некоторые географы выделяют земли к востоку от Памира, Тянь-Шаня и Алтая под названием «Высокая Азия» или «Внутренняя Азия» [Machatschek 1928: 141; Breghel 2003: vii].

Помимо физико-географического определения ЦА по Рихтгофену, существуют также политико-культурные подходы к определению региона. Наиболее часто используемое сегодня политико-культурное определение ограничивается территорией пяти бывших советских республик: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, — которые в настоящее время являются независимыми государствами. Эти страны часто объединяются под общим названием «станы» и занимают в основном территории Туранской равнины, Казахской степи, а также горные районы Тянь-Шаня, Памира и Алтая (карты 1.1 и 1.2).

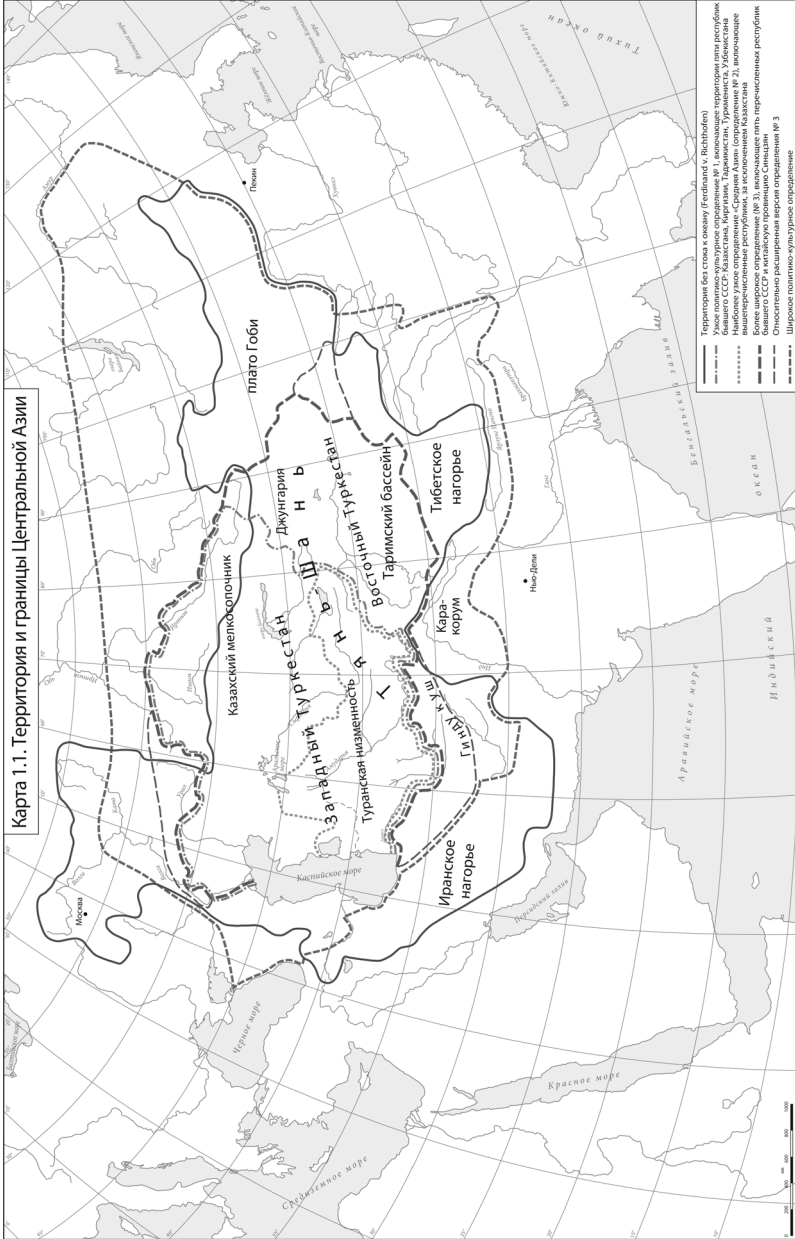
В советский период более узкая территория — последние четыре из перечисленных республик — именовалась Средней Азией, что соответствует южной половине современной политико-культурной зоны ЦА. Подобное разделение отражает не только географические, но и историко-этнические, культурные и административные особенности региона, которые продолжают оказывать влияние на его современное политическое и социально-экономическое развитие.

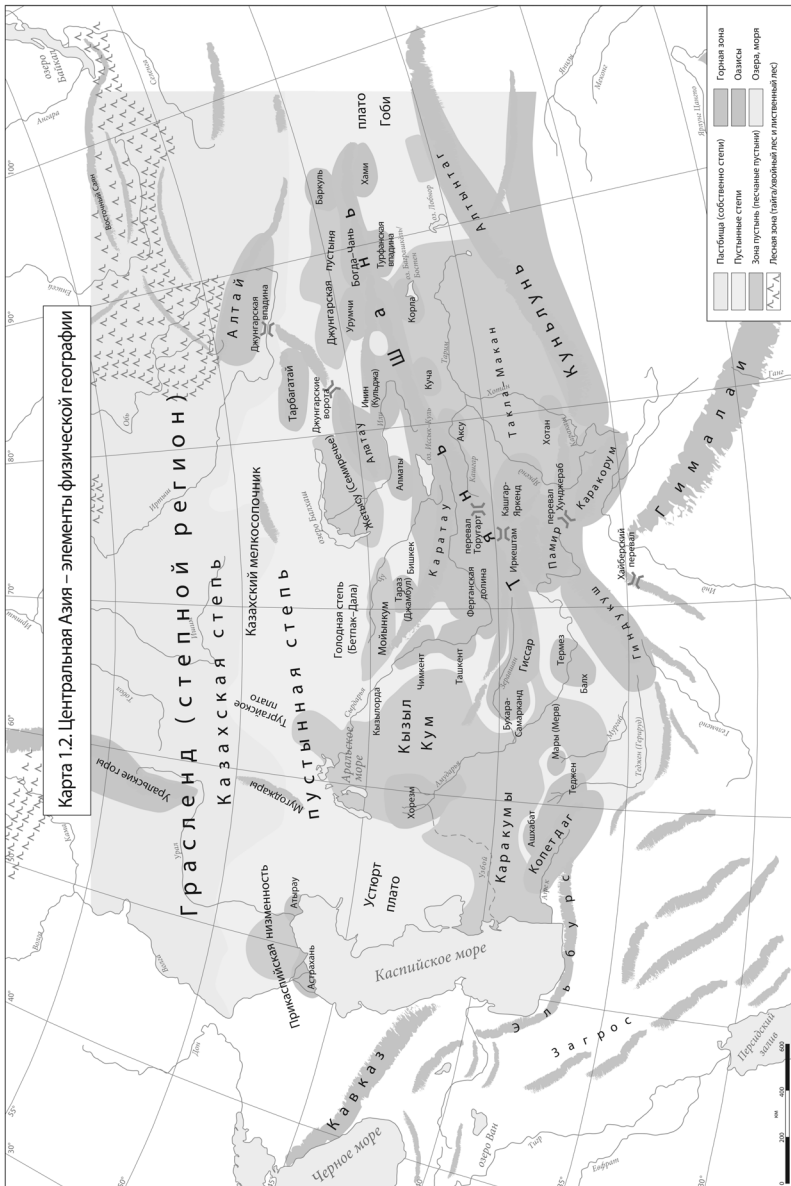
Существует также расширенное определение ЦА, включающее не только пять «станов», но и китайскую провинцию Синьцзян, охватывающую Таримскую впадину, восточный Тянь-Шань и Джунгарию, граничащие с плато пустыни Гоби на востоке. Поскольку большинство (хотя и не все) территорий, обозначаемых этим более широким определением, населены народами тюркского происхождения, эти земли иногда называют «Туркестан» — термин, введенный в конце XIX века [Geiss 2009: 295]¹. «Западный Туркестан» (термин, ныне редко употребляемый) традиционно включает пять бывших советских республик, упомянутых выше, тогда как «Восточный Туркестан» соответствует китайской провинции Синьцзян [Lacoste 1995: 1532; Mourre 2003: 1210]. Это территориальное деление региона идентично делению на западную и восточную ЦА [Biarnes 2008: 24].

Существует еще более широкое политико-культурное определение ЦА, выходящее за рамки подхода Рихтгофена, которое к пяти «станам» и Синьцзяну добавляет территории Сибири, Афганистана, северного Пакистана, северо-восточного Ирана, российских республик Татарстана и Башкортостана, Северного Кавказа и Калмыкии, Закавказских республик, Тибета, Цинхая, Монголии, Внутренней Монголии и части Манчжурии [Fragner 2006: 11].

В данном исследовании используется «среднее» определение, включающее Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Синьцзян-Уйгурский автономный район. В зависимости от исторического периода оно может охватывать также части северо-восточного Ирана, северного Афганистана, китайской провинции Ганьсу (коридор Хэси между основной частью Китая и Синьцзяном), а также небольшие территории юго-восточной России и Сибири, включая Татарстан и Башкортостан. Такой выбор обусловлен историко-экономическими соображениями, поскольку слишком узкое определение, ограниченное только «станами», отражает преимущественно современность и близкое прошлое, не учитывая исторические взаимосвязи

¹ При этом большинство населения тюркского происхождения проживает вне Туркестана.

и перспективы развития региона. В частности, связи ШП имели огромное значение с обеих сторон Тянь-Шаня и Каракорума на протяжении веков. При этом расширение рамок исследования на дополнительные регионы усложнило бы анализ зависимой от ШП экономической сети и могло бы снизить качество работы. Тем не менее взаимодействия с другими регионами будут рассмотрены в необходимом объеме, при этом сохраняется «среднее» определение ЦА. С географической точки зрения ЦА занимает «центральное положение» между суверенными территориями Европы, России, Ирана, Индии и Китая [Cummings 2012: 31].

В связи с этим некоторые исследователи предлагают переименовать регион в Центральную Евразию, учитывая, что он не полностью расположен в центре Азии, а частично находится на северо-западных окраинах континента. При объединении Европы и Азии в единый континент Евразия западная часть ЦА граничит с Европой, а восточная (Синьцзян) занимает центральное положение в Азии. Тем не менее в данном исследовании сохраняется традиционная терминология.

Исторически ЦА воспринималась окружающими «развитыми цивилизациями» как обширная и труднодоступная территория, своего рода «резерв», одновременно разделяющий и связывающий цивилизации. Британский географ Джон Хэлфорд Маккиндер называл этот регион «Хартлендом» — сердцем «Мирового Острова» (афро-евразийского пространства). Его геополитическая формула звучит так: «Кто правит в Хартленде, тот главенствует на Мировом Острове. Кто правит на Мировом Острове, правит Миром» [Mackinder 1904]. Эта концепция была сформирована в контексте «Большой Игры» — колониального соперничества Британской и Российской империй, а также Китая в XIX веке, когда ЦА оставалась одной из немногих не разделенных европейскими колонизаторами частей планеты².

² Американский журналист и исследователь Николас Спайкмен (1893–1943) не соглашался с геополитической концепцией Маккиндера и подчеркивал, что важнейшим фактором мировой гегемонии был контроль не над Хартлендом, а над береговыми регионами, которые он называл «Римленд» — Рубежные земли [Spykman 1942]. Для сравнения взглядов Маккиндера и Спайкмана см. [Barral 2015: 205–209].

Сохраняя колониально-имперскую точку зрения, можно рассматривать геополитику степи как аналог геополитики моря. Шопрад отмечает, что история империи Чингисхана демонстрирует сходство между империализмом степи и моря: безграничные пастбища степи позволяют массово разводить скот, обеспечивающий пропитание для большого числа воинов, что способствует захвату новых территорий и расширению зон скотоводства. Степь, подобно морю, представляет собой обширное пространство без естественных преград, являющееся неделимым и стремящимся к гегемонии. В этом контексте логика Империи Монголов сопоставима с логикой Британской талассократии — морской державы, доминирующей над морскими путями и территориями [Chauprade 2003: 169].

1.3. Природная среда Центральной Азии: синописис региональной географии и ресурсов³

Недостаток воды и географическое положение Центральной Азии, в частности горные хребты на юге, которые преграждают путь теплым влажным ветрам с Индийского океана, обуславливают резко континентальный климат и выраженную засушливость, усиливающуюся с севера на юг и от гор к равнинам. В регионе наблюдаются значительные суточные и сезонные перепады температур: сухое и жаркое лето сменяется холодной зимой. Засушливость объясняет крайне малое количество деревьев на равнинах ЦА, несмотря на то что на горных склонах количество осадков может быть значительным, но нерегулярным.

Все реки Центральной Азии имеют внутренний сток, что подтверждает точку зрения Рихтгофена, за исключением Ирты-

³ При чтении этого раздела и многих топографических названий, которые многим (тавтология) покажутся экзотическими, рекомендуем читателю взять физический или экономико-географический атлас и сверяться с картами Центральной Азии, либо воспользоваться картами 1.2 и 1.3. Минимальное ознакомление с географией ЦА является необходимым условием понимания (экономической) истории региона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru